

Фото: Вадим КРОХИНА

Борис ВАСИЛЬЕВ ЭТО НЕ БЫЛО ЗАПЛАНИРОВАННОЕ УБИЙСТВО

В нынешнем году исполняется 45 лет начала творческой деятельности Бориса Васильева. Названия его книг на слуху: «Иванов катер», «А зори здесь тихие...», «Завтра была война», «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей»... А еще — пьесы, кино-сценарии («Офицеры», «Аты-баты, шли солдаты», «След в океане», «Королевская регата»), множество рассказов. В последние годы из-под пера Бориса Васильева один за другим выходят исторические романы — «Вещий Олег», «Князь Ярослав и его сыновья», «Есть только миг».

— Диккенс — это самый благородный, по-детски наивный, добрый и честный писатель. И он оказал огромнейшее влияние на русскую литературу. Достоевский, Толстой — у них очень много от Диккенса. Лев Николаевич говорил даже, что если просеять всю мировую литературу, то в ней останется только одно имя — Диккенс.

— Хвалите Диккенса за его доброту, а сами ни одной девушки в живых не оставили. Я про повесть «А зори здесь тихие...»

— Я видел немцев с 42-го года. Это были хорошо подготовленные, решительные, жестокие и очень дисциплинированные солдаты. Именно такие действовали в той ситуации, которую я описывал в «Зорях». Когда я это сообразил, то понял, что девушки обречены, они не могут уцелеть. Здесь не «запланированное» автором убийство. Просто нужно быть честным. Это во-первых. А во-вторых, я вообще склонен к трагическим концам. Ведь для русской литературы, да и европейской культуры в целом счастливые финалы исключение. Когда я смотрю американские фильмы, я заранее знаю, что все кончится хорошо, и мне скучно. А когда смотрю французское или итальянское кино, я не знаю, что там будет. Жизнь — штука суровая, и нужно готовить людей к жизни. Лучшей школы, чем литература, у нас в России нет. Макулатура, то что сейчас популярно, — не в счет, это переходящее. Три-четыре года — и все. Мы не можем без высокой литературы, мы так созданы.

— Вот так плавно мы переходим к разговору о русской интеллигенции, главному продукту русской литературы. Эта тема у вас проходит через многотомные «Были и небыли»...

— Да, это действительно роман о русской интеллигенции. Я его начал в 76-м году. Старшее поколение вымирало, круг интеллигентных людей стал сужаться, и я почувствовал, что необходимо об этом написать. У моей мамы девичья фамилия — Алексеева, а братья Алексеевы — это основоположники кружка Чайковских. Куда еще ближе к интеллигенции! И мама с сестрой много мне рассказывали. Так что «Были и небыли» — это о моих дедах, там почти нет сочиненного.

Я отнес роман в «Новый мир», он был принят, а потом вырос в целое пятикнижье. Я подумал: «Написал о дедах, почему бы об отцах не написать?» Написал об отцах. Получилась сага об Алексиных (я за-

менил фамилию Алексеевы на Алексины). Это четыре романа, пять книжек. В этом году их начали издавать.

— А как, на ваш взгляд, сейчас в России с интеллигенцией?

— Если считать интеллигенцией то, что испокон веков считалось таковой в России, то этой интеллигенции уже нет и не будет никогда. Интеллигенция — это дворянство. Независимые, свободные, обеспеченные люди. Если же иметь в виду современное понятие об интеллигенции... У нас есть Ассоциация интеллигентов, я тоже туда вхожу. Это не самостоятельная организация, а при администрации президента. Туда входят все, кого мы считаем интеллигенцией. Интеллектуальная элита, которая и не рабочий класс, и не крестьянство.

— Известные люди?

— Можете загигать пальцы — они все там. И неизвестные есть: учителя, врачи, журналисты с периферии, — довольно много народу. Мы приняли Декларацию прав культуры, чем-то помогаем людям, если кого-то уволили, кого-то прижали... Где у кого есть знакомые — звоним, просим. Но, понимаете, это не задача интеллигенции — быть вот такой «службой спасения». Ее задача — творить, давать идеи, поднимать общий уровень культуры. А она не может этого делать, она ничая.

— Есть какой-то выход?

— Мы очень бедная страна. И не только потому, что у нас воруют, а еще и потому, что у нас не работают, что значительно хуже. У нас нет ни одного конкурентоспособного товара, кроме военного. Чем мы торгуем? Оружием. А еще чем? А больше ничем — сырьем. Наши автомобили не покупают, наши телевизоры никому не нужны. Потому что уровень низкий. Чтобы его повысить, надо создать институт. А институт нужно года полтора кормить, прежде чем он выдаст разработку. А на это нет денег. Всё! Вернулись к исходной точке.

— Выходит, надо ждать, когда разбогатеет?

— Ждать не надо, нужно трудиться. Когда есть цель — хорошо работать, тогда родители знают, чему учить ребенка. «Найдешь свое место, будешь трудиться, кормить семью, и все будет хорошо». Вот этого понимания мы пока создать не можем. Советская власть разрушила многие приоритеты России. А Россия всегда высоко ценила труд... Но мы переболеем.

Встречалась Мария НЕКРАСОВА

— Борис Львович, почему вы отошли от военной темы?

— Во-первых, не отошел, потому что тот же роман «Есть только миг» — о генерале Скобелеве, и тема там, естественно, военная. Ну, а во-вторых, если вы имеете в виду то, что я сегодня пишу о далеких временах — так я всегда мечтал быть историком. Если бы не война, так бы оно и случилось. Но я ушел на фронт, получил там хорошую контузию, меня списали и послали учиться в военную академию на инженерный факультет. Когда я его окончил, ни о какой истории речи быть не могло — надо было работать. Я специализировался на испытаниях боевых машин: танки, броневики. Проработал шесть лет, а потом вдруг решил написать пьесу. Пьеса — это проще: слева пишут кто говорит, справа — что говорит. Так появились «Офицеры» — в 1954 году.

— До сцены они дошли?

— Пьесу поставил в Центральном Театре Советской армии Александр Попов. 25 декабря 55-го года была премьера, а 27-го Главпур ее запретил.

— Почему?

— Не знаю. Причин мне не объяснили, а сам я не допытывался. Как раз в этот момент Хрущев объявил о сокращении офицеров, и мне удалось демобилизоваться. Николай Погодин, знаменитый в то время драматург, пригласил меня в свою студию, полгода я у него проучился и стал киносценаристом. Но мне очень хотелось написать настоящую прозу. Долго размышлял, прикидывал — наконец, решился. Первый мой опыт был — «А зори здесь тихие...»

— Ничего себе «опыт», всем бы такое начало! И все же, Борис Львович: Великая Отечественная — близкая, но тоже ведь история. Князь — история очень дальняя. А современность вас как писателя вообще не интересует?

— Когда произошли все эти события — путч и так далее, — я оказался в самой их гуще, и понял, что писать об этом не могу. Чтобы об этом писать, надо выйти из этой картины, видеть ее со стороны. Нужно время. Поэтому сейчас я неторопливо пишу исторические романы. При-

сматриваюсь, что к чему. Есть какие-то наброски по современности, но писать об этом еще рано, пока я еще сам не понял, что происходит.

— Как военный и как историк, что вы думаете о нынешних событиях: взрывы в городах, бомбежки Чечни? Может это превратиться в настоящую войну?

— Терроризм — это и есть настоящая война. Одна из самых жестоких, бессмысленных и бесчеловечных ее форм. И с террористами очень трудно воевать, у них всегда преимущество первого удара. Мы не знаем, где они ударят в следующий раз, и никогда не узнаем. Война без фронта, без окопов, неизвестно с кем. Говорят, с лицами кавказской национальности. А при чем здесь кавказцы? Бандиты кого угодно могут купить, ненормальных у нас много — дом спокойно взорвут за тысячу долларов.

— Выход из этого тупика есть?

— Мне кажется, нам необходимо сейчас начать переговоры с Масхадовым. Он президент, никто не отменял его выборы, мы его законно приняли, и нужно долго и терпеливо

перетягивать его на свою сторону. Если ему нужна помощь — дать. Нам нужны союзники, без них не справиться. С Чечней ведь действительно можно воевать серьезно, вот что опасно. Нужно срочно сесть за стол переговоров.

— Вернемся к литературе. Вы попадали в такие ситуации, когда то, что вы написали, не понималось или не принималось?

— О первой пьесе я вам уже рассказывал. Ее в Главпуре то ли не поняли, то ли не приняли. Кое-что пришлось поддержать в столе... Да, собственно, почти каждая вторая книга лежала. Повесть «Завтра была война» не печатали восемь лет.

— И что вы делали, чтобы ее пробить?

— Ничего абсолютно. Я никогда ничего не переделывал в своих вещах. Просто писал другие книги и ждал. В 1986 году повесть напечатала. Я знал, что напечатается. Знал, что эти тиски долго не продержатся, и они потихоньку отпускали.

— Я читала в одном вашем интервью, что вы очень любите Диккенса. А за что?

1922 Казань - 1944 - 9 окт. - 43.